

Академик Виктор Матвеев: "На перекрёстках Вселенной"

[НАУКА » ЧАЕПИТИЯ В АКАДЕМИИ](#)

"Чаепития в Академии" — постоянная рубрика Pravda. Ru. Писатель Владимир Степанович Губарев беседует с выдающимися учёными. Сегодняшний гость проекта "Чаепития в Академии" — Виктор Анатольевич Матвеев, российский физик-теоретик, директор Объединенного института ядерных исследований, академик Российской академии наук (1994), специалист в области физики высоких энергий, физики элементарных частиц и квантовой теории поля.

АКАДЕМИК ВИКТОР МАТВЕЕВ. ФОТО: ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Читайте также: [Чаепития в Академии: Истина прекрасна и в лохмотьях!](#)

Странный, но точный образ родился неожиданно во время беседы с Виктором Анатольевичем Матвеевым, академиком, директором Объединенного Института ядерных исследований. Я вдруг подумал, что

Дубна находится на всех перекрестках Вселенной, потому что здесь не только познаются процессы, происходящие в космосе, изучаются частицы, наполняющие его, но и создаются новые, пополняя таблицу Менделеева.

А это разве не "перекрестки" Вселенной?!

Мы беседовали с Виктором Анатольевичем в день, когда праздновал своей юбилей один из ярчайших представителей Дубны — академик Ю. Ц. Оганесян. Впрочем, одной фразы моего собеседника хватило, чтобы в полной мере отразить то, что удалось осуществить Оганесяну.

— В его честь назван вновь открытый элемент, — сказал Матвеев. — Юрий Цолакович при жизни удостоен такой чести, а такое случается весьма редко... Это мировое признание его работ, а, следовательно, и признание нашего Института, и Дубны, и Подмосковья, и всей России. Что к этому можно добавить!?

Я напомнил, что еще недавно академик Матвеев был директором академического института, очень престижного, но все-таки "перешёл" в Дубну. Мне интересно: почему?

Он улыбнулся, ответил:

— Одно время я был директором сразу двух институтов — ядерных исследований РАН и ОИЯИ. Здесь меня избрали, а в Академии наук еще не освободили. Забавная ситуация...

— Помню, у вас были сомнения по поводу Дубны. Жаль было оставлять Институт ядерных исследований — один из лучших в Академии?

— Я долгое время работал в Академии наук, но всегда считал себя дубненцем. Почему? После окончания Ленинградского университета, кафедры теоретической физики, которой руководил академик В. А. Фок, благодаря счастливому стечению обстоятельств я попал в Дубну. Сюда прислали группу молодых теоретиков, и в ней я оказался. Здесь я почувствовал совсем иной ритм жизни. У меня была возможность писать диплом в физтехе — я прошел "минимум Ландау", не у него самого, а у его

учеников. Однако в физтехе мне не могли обещать будущую работу, а здесь, в Дубне все было иначе — перспективы открывались широчайшие. Во-первых, очень интересная работа, и, во-вторых, прекрасное окружение. Я быстро включился в работу — начал заниматься кварками. Попал в отдел Тавхелидзе, Альберт Никифорович был человеком энергичным, увлечённым. Поддерживал молодых, любил нестандартный подход к проблемам. Этим он был близок Николаю Николаевичу Боголюбову, человеку и учёному, которого я считаю своим Учителем в науке и жизни. Ему всегда было интересно, как думают молодые. Он ставил перед нами задачи, внимательно следил за ходом мыслей, интересовался выводами, к которым мы приходили. Его не всегда можно было понять, что заставляло нас анализировать ситуацию, по-новому представлять её.

— *Как и положено Учителю?*

— Очень ответственно говорить, что именно этот человек твой Учитель! Академик Боголюбов очень крупный учёный, и считать его своим Учителем не только почётно, но и надо иметь право это заслужить...

— *Думаю, вы вправе так говорить...*

— Николай Николаевич оказал на меня огромное влияние...

Слово об академике Н. Н. Боголюбове: "Само сознание, что есть такой человек, для меня было очень важно в жизни. Это был для меня высший авторитет не только в науке, но и в человеческом плане. Я думаю, что мы очень многое в жизни воспитывали в себе, сознавая, что есть такой человек. Для меня он своего рода идеал учёного, учителя. Конечно, недостижимый... Он создал целый ряд подходов, которые сегодня практически определяют современное развитие науки. Он всегда был очень скромн по поводу своих основных достижений, но мы видим, что они играют роль основополагающих, они живут, развиваются, и, может быть, многие еще не осознают, что живший рядом с ними еще недавно учёный заложил краеугольные камни современной науки. Это мыслитель в высшем понимании, это человек, который определил взгляд на развитие Вселенной начиная от самых микроскопических ее особенностей до целостного видения проблем".

— ... Попад в новую струю физики, защитив диссертацию сначала кандидатскую, а потом и докторскую, я не думал ни о чем, кроме науки. Однако начали звучать новые "нотки", мол, Дубна, конечно, прекрасный институт, но есть и иные задачи, которые необходимо решать. Не буду конкретизировать проблемы, но они касались в первую очередь теоретической физики, ее разных областей. И Николай Николаевич Боголюбов вместе с Моисеем Александровичем Марковым решили создать новый физический институт, который, принял бы эстафету от Дубны, начал создавать новые установки, на которых можно было бы изучать редкие процессы в микромире и во Вселенной...

— *То есть охотиться за нейтрино и иными "странными" частицами?*

— И это тоже... Я был теоретиком, и мне казалось, что жизнь — это огромное количество задач теоретической физики. А потому предложение перейти в новый институт, мне не понравилось. Честно говоря, переходить куда-то из Дубны мне не хотелось. Но тогда было такое время, когда "надо" значило несравненно больше, чем "не могу". Я переехал в Москву. Отдал Академии наук и Институту почти тридцать лет. И все эти годы я считал себя дубненцем! Да, трудные были времена. Приход во власть Горбачева, перестройка, Чернобыль, академик Александров ушёл с поста Президента Академии наук, академик Тавхелидзе уехал в Тбилиси — он там был избран президентом Академии наук Грузии. Я стал директором. Было очень сложно: никогда не думал, что стану директором, не был готов к этому, но "надо" — понимание ответственности пришло сразу. Институт только развивался, многое надо было решать на самом высоком уровне, так как создавался Баксанский телескоп глубоко под землей, нейтринный телескоп на Байкале, другие уникальные установки. Задачи были сложнейшие, и я прекрасно понимал, что обязан сделать всё, чтобы начатое было доведено до конца. К счастью, Отделение ядерной физики Академии наук СССР возглавлял М. А. Марков. Именно он был инициатором появления в нашей стране и нашем институте новейших физических приборов.

— *После конференции на Валдае "Кварки- 2002" мне подарили двухтомник трудов академика Маркова, в котором вы являетесь ответственным редактором. Признаюсь: научные работы я только просматривал, а вот философские размышления академика Маркова*

удивительно интересные. Я часто возвращаюсь к ним — он весьма точно предвидел будущее, хотя сам утверждал, что подобное невозможно.

— Он был не только блестящим физиком, великим организатором науки, но и очень глубоким человеком, а потому так актуальны многие его мысли и высказывания.

Слово академику М. А. Маркову: "В прошлом на кораблях был дежурный матрос — "впередсмотрящий", обязанностью которого было смотреть вперед по курсу корабля и предупреждать о возможной опасности (теперь эту обязанность выполняют локаторы). Среди "впередсмотрящих" в современном обществе важнейшую роль призваны играть учёные. Предупредить человечество об опасностях, которые могут возникнуть на путях человеческой истории, — ответственнейшая обязанность деятелей науки...

Первая мировая война была начата винтовками, пушками, холодным оружием, закончена (и этого никто не мог предсказать) танками и газами.

Начало второй мировой войны характеризовалось широким использованием автоматического оружия, танков и самолетов, а в конце войны уже возникло (и этого тоже никто не мог предсказать) атомное оружие.

Если начнется третья мировая война (и даже будет запрещено ядерное оружие), то невозможно сейчас предсказать, какое новое оружие было бы изобретено, если бы столь сильно возросшие материальные и интеллектуальные ресурсы всех континентов были обращены на поиски новых возможностей достижения военной победы. Мы не можем сегодня предсказать, какие появятся конкретные виды оружия, но, исходя из необъятных возможностей науки и возрастающей мощи этих возможностей, можем определенно сказать: они могут быть ужаснее всего, что мы знали до сих пор. И их применение приведет к истреблению всего живого на земле.

Естественно, возникает вопрос: что может быть ужаснее ядерной бомбы? Мы будем счастливы, если будущая история не ответит на это вопрос".

— Судя по происходящему сегодня в мире, ответ и на этот вопрос уже близок... Но вернемся в 90-е годы...

— Все менялось в стране, менялось в Академии наук, да и в институте тоже. Уходили люди. Был у нас легендарный Зарапетян, строитель Навои, Учкудука, Заравшана...

— Знаменитый средмашевец.

— Он был у нас заместителем по капитальному строительству. Я слышал его рассказы о том, как создавались атомные города. У него были свои жизненные принципы, и их не стыдно было перенимать — он учил упорству в достижениях цели, творческому подходу к делу. И вот он уходит, а задачи остаются — сооружения телескопа в горах сложные... И в это время начинаются выборы директора. Новые веяния в Академии. Я стал первым директором среди физиков, который был избран. Волновался на заседании Отделения Академия я очень сильно. И понять можно — ведь передо мной сидели Харитон, Сахаров, Вернов, Прохоров и другие великие учёные. Они слушали мое научное сообщение. Переживал я ужасно. Сделал доклад, ответил на вопросы. А потом заседала комиссия по выборам, возглавлял ее Андрей Дмитриевич Сахаров. И только после его выступления я узнал, что меня избрали...

— Пожалуй, труднее экзамена не было?

— Такое только раз в жизни бывает...

— Но назначение сюда директором, как мне кажется, тоже далось нелегко?

— Когда случилось несчастье с Алексеем Сисакяном, моим другом, моим учеником и моим соратником, с которым я очень тесно работал, возникла тяжелая ситуация: кто способен возглавить институт? Мне предложили это сделать, и мне было трудно сделать выбор. С одной стороны, это

возвращение в молодость, в свою альма-матер, своеобразное осуществление мечты — каждый солдат мечтает стать генералом. А с другой — как оставить институт, где много моих коллег, воспитанников, которые рассчитывают на меня, на мою помощь по развитию нейтринной астрофизики, ускорителю протонов, то есть направлениям, которым было отдано много сил и душевных, и физических. Вы прекрасно знаете, насколько остра была проблема с тем же галлием, который пытались попросту продать за рубеж и нажиться на этом. Семь лет шла борьба...

— *...война...*

— ...можно и так сказать, так как доходило до прямых угроз. Но мы остались живы, отвоевали галлий, отстояли все принципиальные позиции.

— *По-моему, это единственный случай, когда победили учёные, а не бандиты!*

— Пришел В. В. Путин, и галлий не только был спасен, но и передан Академии наук. Сейчас готовится уникальный эксперимент по поиску так называемых "стерильных нейтрино", и в нем участвует наш галлий.

— *"Наш"?*

— Я оставил хорошую смену — там молодые заместители директора... Институт славный, о нем хорошая репутация в мире — я не могу этим не гордиться.

— *А здесь?*

— Здесь все непросто. Нельзя считать, что Дубна — это "остров стабильности". Да, есть надежный задел: отцы-основатели потрудились на славу, исходные посылы, ими заложенные, надежны и перспективны. Однако мы не можем оставаться "детьми лейтенанта Шмидта", так как есть множество проблем. Еще в Академии наук я понял, что источником многих бед, которые возникли там, является сама Академия. Каждый научный центр не может уповать на том, что он будет существовать вечно подобно православной церкви. Жизнь постоянно ставит новые задачи, надо ориентироваться на новые подходы к происходящему. Мы должны были

осознать вызовы, провести соответствующие изменения в управлении ОИЯИ, убедить в их необходимости партнеров. Естественно, необходимы новые люди для реализации новых идей, и они появились в Институте.

Конечно, очень приятно, что нас поддерживает и Российская Федерация, и страны-участницы, на которых большое впечатление производит истинный международный характер Института. Учёный Совет, который определяет работу Института, состоит из выдающихся специалистов, и они помогают нам создавать такие программы, которые интегрированы в мировую науку. Да, строятся новые установки, но этого мало — нужно, чтобы идеи были передовые, методы работы и даже условия, в которых должны вести исследования учёные, которые приезжают из других стран. А для России очень важно, что ОИЯД является одним из инструментов соединения с международной научной общественностью. Это мост, который помогает интегрировать программы фундаментальной науки России с мировой.

— Однажды в беседе с М. В. Келдышем шел разговор о судьбе советской науки, и он сказал, что Дубна — это маленькая модель науки, которая должна быть в стране. Если в Дубне наука успешно развивается, то и в Советском Союзе тоже... Он не преувеличивал?

— Это правильно сказано, потому что нельзя построить "остров стабильности" вокруг нестабильного окружения. Ни в России, ни в мире. Наши условия развития, темпы его, в полной мере зависят от того положения, которое складывается в стране и мире. Опыт нашего международного института показывает, что мы положительно влияем на ситуацию в мире. Особенно в то время, когда все осложнено политическими санкциями. Истинно международный характер института, все идеи и принципы, которые в нем заложены, в полной мере работают, и это очень важно. Я говорю часто, что наш институт не то, чтобы вне политики, а над политикой. Международное сотрудничество — это одна из величайших ценностей цивилизации, и об этом свидетельствует работа ОИЯИ.

Слово о физике: "Стратегическая цель современной физики элементарных частиц и астрофизики состоит в формировании нового единого физического мировоззрения, лишенного "недостатков"

современной Стандартной модели слабых, электромагнитных и сильных взаимодействий, которая, в свою очередь, представляет собой выдающееся достижение человеческой мысли.

Подтверждением тому служит открытие последнего недостающего элемента Стандартной модели — бозона Хиггса...

Тем не менее Стандартная модель не является единой непротиворечивой фундаментальной теорией — адекватной основой современного мировоззрения. Она лишь "низкоэнергетический предел" какой-то более фундаментальной теоретической концепции, которая будет способна "работать" на всех энергетических масштабах, включая и астрономический масштаб Планка...

Поэтому поиска новой более фундаментальной теории и ее всестороннее экспериментальное подтверждение — это главная задача современной физики".

— У меня такое ощущение, что институт сейчас на подъеме?

— Наши проекты, которые представлены в 7-летней программе развития, признаны и поддержаны и в Европейском сообществе и в мировом. Программа, безусловно, амбициозная, но вполне реальная. У меня нет сомнений, что она будет реализована. Финансовая составляющая ее обеспечена, сейчас важно привлекать международный интеллект, то есть учёных, которые в ней заинтересованы и способны у нас работать. Об этом мы не только постоянно думаем, но и заботимся, а потому у нас в лабораториях представлены учёные со всего мира... Кстати, завершена работа по фабрике тяжёлых элементов, а уже в 2019 году начнутся работы по получению новых элементов. Я об этом говорю потому, что мы отмечаем сейчас юбилей академика Оганесяна — прекрасного человека и выдающегося учёного. Еще совсем недавно считалось, что такая работа — это далекое будущее, а у нас в Дубне она проводится уже сегодня. Вот так фантастику современная наука превращает в реальность.

Читайте все материалы из серии "Чаепития в Академии"

Добавьте "Правду.Ру" в свои источники [в Яндекс.Новости](#) или [News.Google](#), либо [Яндекс.Дзен](#)

Быстрые новости в [Telegram-канале Правды.Ру](#). Не забудьте подписаться, чтоб быть в курсе событий.

"Большой адронный коллайдер — это счастье и чудо"

Куратор: Владимир Губарев

Темы [ЮРИЙ ОГАНЕСЯН](#) [АНДРЕЙ САХАРОВ](#) [ВИКТОР МАТВЕЕВ](#) [МСТИСЛАВ КЕЛДЫШ](#) [ЗАРАП ПЕТРОСОВИЧ](#)

[ЗАРАПЕТЯН](#)